

А. В. Волегов

Государственный университет Чжэнчжи,
г. Тайбэй, Тайвань

Мамин-Сибиряк и Федор Сологуб. К проблеме становления модернистского художественного мышления

Книга рассказов «Детские тени» (1894) занимает особое место в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Тема страданий, связанных с рождением, жизнью, болезнью и смертью ребенка, маленькой личности, — это один из тех пластов действительности, которые традиционно обходятся вниманием, в книге же рассказов Мамина-Сибиряка герои вынуждены соприкасаться с этой скрываемой областью жизни. Представляется, что свою задачу художника Мамин видел в том, чтобы «жечь сердца людей», убеждая их в необходимости сострадания. Герои его рассказов испытывают страшные удары судьбы, сталкиваются с непреодолимыми препятствиями повседневного существования, откровенным неприятием враждебного окружения. Человек у Мамина изображается в ситуациях столкновения со стеной настороженности, предвзято-враждебного отношения, в особенности когда он хотя бы немного открылся в поисках если не помощи, то сочувствия и сострадания. Эти сложные, противоречивые чувства писатель пытается объяснить «позитивным» знанием, утверждающим веру в некий прогресс. Однако в изображаемом им мире столько грубости и жестокости, что трудно представить, чтобы результатом развития этого общества могло бы стать нечто иное, доброе и светлое. В этом становятся очевидными некоторые черты идейного кризиса Мамина-Сибиряка, с ними же связана и двойственность художественного результата «Детских теней».

Наиболее сильной стороной этих рассказов следует признать психологизм, в частности, в изображении эпизодических персонажей, которые так или иначе «выпадают» из

общественной системы, живущей по зверским законам. Эти персонажи — люди, готовые в самую тяжелую минуту прийти на помощь тому, на кого прежде не обращали внимания, презирали или даже мучили. Частным проявлением этого психологизма можно считать изображение пограничных состояний: галлюцинаций, видений, бреда, навязчивых страхов. С другой стороны, авторская позиция в «Детских тенях» тенденциозна: автором подчеркивается, даже педалируется социальная и биологическая детерминированность характера, поведения, всего внутреннего мира человека.

Биографический контекст, на фоне которого оказывается книга «Детские тени», следующей. В 1890 г. Мамин-Сибиряк вместе со своей гражданской женой, актрисой Екатеринбургского драматического театра Марией Морицовой Абрамовой переезжает из Екатеринбурга в Петербург. Резкая смена жизненного уклада неожиданно оборачивается страшной трагедией: в 1892 г. Мария Абрамова умирает при родах. Дочка Елена (Алёнушка) остается жива, но вследствие родовой травмы она неизлечимо больна: врачи говорят: «Не жилец...». Положение отягощает бюрократический казус, вследствие которого Мамин не имеет прав на воспитание собственной дочери, поскольку по документам она считается «незаконной дочерью мещанки Абрамовой», и девочку в любое время могут забрать в детский приют — для ребенка со страшным диагнозом «хорея» (ДЦП в современной терминологии) это перспектива трагическая.

Все это можно было бы назвать частным трагическим фактом биографии — но не в том случае, когда речь идет о большом писателе. Вспоминаются слова И. Эренбурга о том, что для настоящего художника подобные удары судьбы не просто препятствия, а «начало преодоления непреодолимого» [Эренбург, с. 161]. Мамин-Сибиряк находит выход в литературном творчестве, его идейно-художественные искания 1890-х гг. совпадают с периодом радикальных перемен в мировой — европейской, русской, американской — литературе.

В 1880-е гг., как известно, Мамин-Сибиряк во многом ориентировался на творчество Э. Золя, которое, по словам Н. Ю. Грыкаловой, «подводит дискурсивный итог эпохи позитивизма и дает представление о той радикальной ревизии литературного дискурса, какую предпринимает натурализм. Ею можно

обозначить нижнюю границу “предыстории” модернизма» [Грыкалова, с. 25]. В противовес натурализму «новое искусство» интересовала личность, уникальность которой заключалась уже хотя бы в том опыте невыносимых обстоятельств, гнет которых ей пришлось испытать. Это была всегда неоднозначная, сложная, не вписывающаяся в нормы благополучного существования личность, выпадающая из системы человеческих отношений. И именно к подобного рода личности отчетливо прослеживается интерес в книге Мамина-Сибиряка «Детские тени».

На этом этапе в творчестве писателя ставятся вопросы, невозможные ранее, в позитивистскую эпоху. Так, в контексте рассказов книги, варьирующих ситуации безысходности, в которых оказываются герои, проводится мысль о том, что общество построено под хищническое поведение и мироощущение, поэтому никакой общественный прогресс, к которому апеллировали позитивистски мыслящие деятели культуры, невозможен. Более того, безысходность усиливается тем, что несправедливость судеб героев имеет не только социальную или экзистенциальную природу, но оказывается бытийной (онтологической): человек остается беспомощным перед лицом безжалостного мироустройства. Подобный взгляд в предыдущую, позитивистскую по своей сути, эпоху в целом не мог бы иметь места.

Характерными и неслучайными в книге оказываются и элементы мистики; например — в рассказе «Коробкин» (1885)¹. В, казалось бы, благополучной чиновничьей семье единственная дочь Лидочка, забыв надеть в холодную погоду шарф, простужается, заболевает и умирает. Несчастный отец сходит с ума. Доктор-резонер, отрицавший вначале смертельную опасность и утверждавший, что современная медицина имеет все возможности справиться с болезнью, в конце рассказа с той же уверенностью констатирует помешательство Коробкина.

Коробкин, постоянно думая о смерти дочери, винит себя за поступки в прошлом. Когда он был еще гимназистом, его полюбила дочь хозяина дома, где он снимал комнату, Капочка. Юному гимназисту это было не до конца понятно. Капочка и сама боялась своих чувств, никогда не говорила о них прямо, лишь в шутливой форме. Когда ее против воли решили выдать

¹ Заметим, что рассказ был написан за семь лет до трагических событий в семье Мамина.

замуж за чиновника Теряева, накануне свадьбы она покончила с собой. И теперь, много лет спустя, Коробкин приходит к мысли, что гибель девушки — его вина, он должен был увезти ее, жениться и тем самым спасти. В разговоре с женой он отвергает разумные доводы, что бегство гимназиста и девушки, скорее всего, ничем хорошим бы не закончилось. Ему представляется, что спустя годы «природа», некие высшие силы мстят ему за тогдашнюю нерешительность. Примечательно, что эта «теория» главного героя, напоминающая гностический миф, является для доктора главным аргументом в вопросе о психическом здоровье Коробкина.

Мотив чувства вины за болезнь своих детей, которое испытывают несчастные отцы, проходит сквозь ряд других рассказов этой книги и говорит, на наш взгляд, о том, что Мамин, как и его герои, был склонен винить в болезни Алёнушки себя. Вероятно, и мысль о мести «природы», влиянии на судьбу высших сил также не была чужда самому писателю. Тем не менее, в этом рассказе болезненный характер мыслей главного героя подчеркивается в позитивистско-натуралистических традициях, помешательство его констатируется однозначно как в речи персонажей, так и в речи рассказчика.

В более позднем рассказе книги — «Аннушка» (1892) — повествуется о бывшей служанке Авдотье Семеновне, попавшей в казенный родильный дом, где появляется на свет ее незаконнорожденная дочь. Свидетелем этой печальной, но, увы, обычной истории становится незлобивый пьяница, сторож Самоша. Врачи, сестры и санитары больницы — преданные своему делу люди — стараются не только поддерживать хорошие условия для пациенток, но и быть по-человечески внимательными и ненавязчиво заботливыми. Заметив взаимную симпатию безвольного Самоши и Авдотьи Семеновны, они пытаются помочь им обрести счастье. Однако «Аннушка», как называет девушку про себя сторож, чувствует, что тот просто жалеет ее, ощущает в нем некую «душевную тупость» — он не понимает и даже не пытается понять Авдотью Семеновну как личность, в разговоре же путает ее имя, поскольку для него все пациентки этого дома — «Аннушки». Накануне выписки он не решается с ней заговорить. Позднее, после того как «Аннушка» с дочерью вынужденно, пытаясь как-то прокормиться, покидает на время город,

Самоша отправляется вослед, разыскивает ее и предлагает выйти за него замуж. Авдотья Семеновна спокойно отказывается. Спустя год Самоша узнает от своего приятеля, что Авдотья Семеновна вернулась в город, а ее маленькая дочь заболела и умерла. Несчастная мать каждый день ходила на ее могилу, и приятель Самоши, устроившийся кладбищенским сторожем, находил удовольствие в том, чтобы оскорблять и прогонять ее с могилы. В итоге женщина покончила с собой.

В рассказе «Живая совесть» (1890), также вошедшем в книгу «Детские тени», на первый план выводится социальная тематика. Мать чувствует ревность к кормилице. Будучи представительницами разных социальных слоев, они, тем не менее, вынуждены жить в одном доме и постоянно испытывать взаимную ненависть. В этой ядовитой атмосфере ребенок кормилицы заболевает.

Рассказ «Господин Скороходов» повествует об истории дружбы сапожника Гаврилыча и 14-летнего мальчика — господина Скороходова, Тихона Петровича, как он себя именует. Тихон Петрович живет в подвале с матерью и тяжело болен чахоткой — настолько, что уже не может выходить на улицу, а потому вся его жизнь проходит в мире книг. Всякий раз в нетерпении мальчик ждет своего друга Гаврилыча: «Ночь прошла почти без сна. Г<осподин> Скороходов ужасно волновался. В нем проснулся тот живой ребенок, которого не могла похоронить никакая петербургская пыль. В шесть часов утра он уже проснулся и наблюдал по противоположной стене двора, какая будет погода. К ним в подвал солнце никогда не заглядывало, и метеорологические наблюдения ребенок производил по противоположной стене: стена освещена, значит, есть солнце» [Мамин-Сибиряк, 1915, с. 375].

Гаврилыч же, как ребенок, удивлялся разнообразным рассказам Тихона Петровича: об Америке, Сахаре, тропических лесах... Узнав о том, что Тиша никогда в жизни не был не то что в далеких краях, но просто за городом, на природе и никогда не видел обычных сосен, Гаврилыч обещает следующей весной сделать для маленького друга «колясочку» и отвезти его на прогулку, показать настоящий лес.

К весне Тихон Петрович становится совсем слаб, но Гаврилыч выполняет свое обещание: добывает старую детскую ко-

ляску, переделывает ее для Тиши, хотя она все равно для него «маловата», и с большими трудностями отвозит своего друга на прогулку в лес... Этого долгого пути господин Скороходов, увы, перенести не смог. В лесу, почувствовав свежий воздух, он задыхается и умирает. «Мальчик лежал и смотрел в голубое высокое небо, на тихо шумевшие вершины сосен, на плывшие по небу белоснежные облака — смотрел и чувствовал, что с ним делается что-то необыкновенное. Его точно уносила какая-то сила... Не было ни боли, ни усталости, ни той тяжести, которая давила его маленькое сердце. Глаза закрывались сами собой» [Там же, с. 380].

Главным достижением Мамина-художника в этом рассказе следует признать речевые характеристики героев, а также созданный психологически точно неоднозначный характер Гаврилыча с его тягой к выпивке: даже по дороге в лес, куда так стремится господин Скороходов, Гаврилыч отлучается от своего едва живого юного друга, чтобы забежать в трактир.

Рассказ «Тот самый, который» (1893) начинается со сцены, в которой чиновник Виктор Васильевич слышит за своей спиной сплетни: о том, что ему изменяет жена и о том, что маленький Дима — не его сын. В жизни героя происходит перелом: в доме воцаряется атмосфера подозрений и взаимного мучительства, делая существование в семье невыносимым, в результате маленький Дима тяжело заболевает и умирает. По словам рассказчика, причина этих трагических событий — отсутствие в мире, полном «круговой несправедливости», «любви, которой недоставало маленькому сердцу» [Там же, с. 410]. Однако в день похорон ребенка Виктор Васильевич замечает искренние слезы людей, которых прежде считал чужими, и это позволяет ему внутренне переродиться. «Все прощено» — звучит в финале рассказа, который, таким образом, завершается на мысли о ребенке как жертве греховности мира и верой в то, что эта жертва не напрасна.

Впоследствии писатель дополнил книгу рассказом «Враг» (1895). В сюжете рассказа выделяются две части: в первой служанка Анисья вынуждена подбросить незаконнорожденного младенца в какой-то подъезд — «жестокое вещи устраиваются замечательно просто» в мире «вопиющей бедности»; во второй — действие продолжается в барском доме, откуда прежде Анисью выгнали, но куда теперь она возвращается в роли кормилицы,

поскольку у хозяев родился «маленький барин». Все понимают, что Анисья бросила своего ребенка, а потому в доме царит атмосфера недоговоренности и взаимной неприязни. Садовник настороженно говорит о недоброй примете — неожиданно буйно зацветших в то лето азиях... В финале «маленький барин» умирает.

Рассказ «Он», пожалуй, наиболее автобиографический на фоне остальных. Его главный герой, Петр Степанович, — человек, добившийся известности. Однако его жизнь — «отчаянная скачка за успехом», «...личное счастье меняется на карьеру». «Разве такие люди могут иметь здоровых детей?.. — говорит герой. — Ведь с ранней юности я жил одними нервами...» [Там же, с. 364]. Расплатой за долгие годы стремления к успеху становится крах семейной жизни героя и болезнь дочери Тани, которая в итоге умирает на глазах отца, а также врача Федора Федоровича и его помощницы, сестры Антонины.

* * *

В те же годы выходят первые издания Федора Сологуба. По авторитетному свидетельству М.М. Павловой, писатель не только «несомненно, был знаком с рассказами Д. Мамина-Сибиряка», но и название его первой книги рассказов («Тени», 1896) «предположительно восходит» к названию маминской книги. При этом Павлова отмечает, что в рассказах Мамина, в отличие от Сологуба, «в центре внимания ... не дети и их душевный мир, а чувства взрослых, переживающих смерть ребенка как возмездие за свои ошибки и несправедливые поступки» [Павлова, с. 177–178]. Тем не менее нельзя не указать на многочисленные факты сходства образных деталей, психологических характеристик, сюжетных ситуаций и мотивов в рассказах Мамина-Сибиряка «Детские тени» и рассказах Ф. Сологуба 1890-х и более поздних годов.

Примечательно, что первый рассказ начинающего прозаика, «Ниночкина ошибка» (1893), опубликованный на год раньше книги Мамина «Детские тени», не содержит явных перекличек с маминскими рассказами предыдущих лет². Однако уже в рас-

² Несмотря на то, что рассказы Мамина, собранные им затем в книгу «Детские тени» (1894), выходили в периодике в 1892 и 1893 гг.

сказе «Тени» (1894), который во многом сделал имя Сологубу-прозаiku, мы находим многочисленные соответствия. В первую очередь бросается в глаза сходство комплексов «мироощущение “конца века”», которое постепенно формируется под влиянием обстоятельств в сознании как героя маминского рассказа «Коробкин», так и сологубовских героев «Теней» — Володи Ловлева и его мамы. Героя Мамина-Сибиряка, Коробкина, напомним, неотвязно преследует мысль о том, что природа мстит ему, он чувствует странную необходимость публично высказаться по этому поводу. Резонер-доктор в традициях натурализма однозначно определяет это как помешательство, его выводы разделяет и жена героя. В рассказе Сологуба «Тени» гимназиста Володю преследует настойчивое желание играть в тени: вечером при свете лампы он часами изображает пальцами разные фигуры, рассматривая их тени на стене; за ужином он занят мыслями о том, на что похожи тени предметов мебели и посуды. Это помогает ему забыть о грубости окружающего мира: одноклассниках, учителях, грязных холодных улицах. Его мать, вдова инженера, узнав о навязчивом увлечении сына, сама поддается очарованию игры. При этом она, как и окружающие маминского Коробкина, чувствует, что «делает неладное», говорит себе: «Но это же безумие!». Тем не менее к финалу рассказа Сологуб вводит, на наш взгляд, иную оценку, мотив патологического в речи рассказчика не просто сглаживается, но переосмысливается.

«Вечер.

В Володиной комнате на полу горит лампа. За нею у стены на полу сидят мама и Володя. Они смотрят на стену и делают руками странные движения...

По стене бегут и зыблются тени.

Володя и мама понимают их. Они улыбаются грустно и говорят друг другу что-то томительное и невозможное. Лица их мирны, и грезы их ясны, — их радость безнадежно печальна, и дико-радостна их печаль.

В глазах их светится безумие, блаженное безумие...

Над ними опускается ночь» [Сологуб, 1896, с. 72].

М.М. Павлова справедливо указывает, на скрытую в этом фрагменте цитату, иллюстрацию «к размышлению Ницше о “блаженном безумии”» [Павлова, с. 190]. При этом исследовательница

склонна подчеркивать неадекватность эмоционального состояния героев, несмотря на то, что под приведенным ею выражением Ницше традиционно понимается не нечто психопатологическое, а, скорее, вдохновение творчества, преодолевающего косность повседневности.

Как и в рассказе Мамина-Сибиряка, в «Тенях» Сологуба есть резонер-доктор, но если в «Коробкине» он выносит состоянию героя однозначную оценку, то в «Тенях» это скорее нелепая фигура, чье суждение героиней-матерью не принимается всерьез. Именно она в рассказе Сологуба приходит к доктору в поисках поддержки и делится сомнениями по поводу возможной болезни, дурной наследственности, других характерных для эпохи навязчивых страхов, о которых в свое время писал И. Анненский: «Наследственность, атавизм, вырождение, влияние бессознательного, психология толпы... — все эти научные и художественные обогащения нашего самосознания сделали современное я...» [Анненский, с. 101]. Наличие ряда подобного рода деталей и мотивов, конечно, дает основания М.М. Павловой акцентировать патологический характер внутреннего состояния героев Сологуба. Однако отметим, что это не единственная точка зрения.

Характерным примером здесь может служить экранизация рассказа, предпринятая режиссером Л. Осиповой в 1992 г., — короткометражный фильм «Свет и тени», в котором действия героев, перенесенных в «лихие девяностые», трактуются именно как творчество. Наш собственный опыт чтения и анализа рассказа в иностранной университетской аудитории со студентами-русистами Бельгии, Южной Кореи, Японии, КНР, Тайваня также показывает, что современные читатели скорее склонны видеть в действиях героев некую креативность — креативность, заключенную в странном увлечении, которая позволяет преодолеть гнетущую безрадостность окружающего мира.

Несмотря на возможность различных трактовок внутреннего состояния героев «Теней», следует отметить важный сдвиг, который демонстрируют рассказы Сологуба в сравнении с маминскими. Если Мамин-Сибиряк тяготеет к натуралистической поэтике, то Сологуб уже в рассказе 1894 г. дает иные принципы изображения — модернистские. В его автор-

ском видении человек не просто продукт общества или дурной наследственности — человеческая личность обладает тайным знанием того, что есть иной, «благостный» мир. О методологических различиях писателей говорит и М. М. Павлова: «Несмотря на тематическую близость, вполне очевидно, что рассказы о детях Сологуба и Мамина-Сибиряка принадлежат к разным художественным направлениям. Автора “Детских теней” интересуют в духе позитивистского натуралистического дискурса социальные несовершенства и наследственные болезни, вследствие которых умирают дети, но не проблема смерти в ее метафизическом плане. “Тени” Сологуба подчиняются “декадентскому” дискурсу, в котором интерес к болезни и смерти инициировался вопросом о смысле человеческого бытия» [Павлова, с. 178–179].

В рассказе «Червяк», открывающем первый сборник Сологуба, школьница Ванда Тамулевич заболевает и угасает от чахотки. Ранимая, чувствительная девочка оказывается жертвой травли: ее изводят за то, что она разбила любимую чашку хозяев дома, где вынуждена жить как квартирантка вдали от родителей, также не особо обременяющих себя заботами о ней. Но чашка — всего лишь предлог. Истинная причина — инстинктивное неприятие, желание заклевать, затоптать не такого как все. В этом сюжете отчетливо прослеживаются переключки с рассказом Мамина-Сибиряка «Соломенная девочка» (1893), в котором маленькая героиня умирает, окруженная атмосферой нетерпимости. Правда, в рассказе Мамина эта враждебность направлена против ее матери, «соломенной вдовы». Сологуб же ставит другие акценты. Если у Мамина физическая слабость маленькой героини вызвана отсутствием нормального общения с матерью, то у Сологуба нелюбовь выступает некоей высшей силой, правящей звериным мирком мещанского дома. Хотелось бы подчеркнуть, что слово «звериный» выбрано нами не случайно. Уже в этом рассказе явно прослеживается внимание начинающего писателя к хищническим деталям поведения, заложенным в самой природе человека. В контексте всего творчества Сологуба эти черты характеров героев определяются причинами более высокого порядка, нежели социальные или антропологические. Подобного рода детали изображения впоследствии найдут

оформленное и манифестированное выражение в мифологеме «Зверь» — одном из элементов оригинальной мифопоэтической концепции писателя-символиста.

Хищническое, агрессивное начало в рассказе «Червяк» проявляется не только в характере Рубоносовых — хозяйки и ее мужа. Другие девочки-квартирантки, проживающие в доме вместе с Вандой, также ощущают агрессивную общность с хозяевами и радостно, с азартом, мучают девочку, почувствовав ее слабость. Более того, и главный мучитель, и жертва чувствуют странное взаимное тяготение друг к другу. И в душе Ванды тоже просыпается злоба: «Жестокая улыбка искажала ее рот, который от страшной худобы лица перестал плотно закрываться... Хриплым голосом лепетала она бессвязные, нелепые слова. / Ванда уже не боялась этих чужих людей, им было страшно слышать ее злые речи» [Сологуб, 1896, с. 37]. Эта неоднозначность характеров и динамика сложных эмоциональных состояний демонстрирует мастерство психологизма и точность наблюдений начинающего писателя. Впоследствии Сологуб неоднократно будет обращаться к изображению подобных характеров «детей-зверей», наиболее ярким примером можно считать образ девочки-воровки Рашки из заглавного рассказа последнего сборника «Сочтенные дни» (1921).

Третий и одновременно завершающий первый сборник Сологуба рассказ, «К звездам», содержит эпизод, позволяющий вспомнить аналогичную сцену из маминского рассказа «Господин Скороходов». Это описание того, что предстает в последнюю минуту больному Сереже: он почувствовал, что «...боль и тоска исчезли. Тихая и нежная радость приникла к Сереже. Он почувствовал, что кто-то повеял на него холодным дыханием и прислонил его спиной к земле. Опять под ним, далеко внизу, засияли ясные и тихие звезды. Сережа широко раскинул руки, оттолкнулся от земли ладонями, и с криком громким и резким, похожим на визгливый голос ночной птицы, бросился торопливо и радостно с темной земли к ясным звездам. Радостно закружились звезды, и зазвенели стройно и громко, и помчались ему навстречу...» [Там же, с. 102].

Книга рассказов Мамина «Детские тени» впервые вышла в 1894 г. [Мамин-Сибиряк, 1984] (ранее рассказы публиковались в периодике разрозненно: «Русское богатство», 1892, № 11, 12;

1893, № 3, 5, 7–10, 12), «Тени» Сологуба — в 1896 г. [Сологуб, 1896] (заглавный рассказ несколько ранее: «Северный вестник», 1894, № 12). Последующие издания книги (1901; 1909), как мы уже писали, Мамин-Сибиряк дополнил рассказом «Враг» (первопубликация: «Русское богатство», 1895, № 11, 12). Очевидно, Сологуб продолжал следить за его творчеством, оно оказывало на него заметное влияние, служило источником провокационной креативности. Примером тому может служить рассказ «Прятки» (первоначальное название «Лелечка»), впервые опубликованный в журнале «Север» (1898, № 1, 4 янв.).

В обеспеченной семье петербургского чиновника происходят, казалось бы, ничего не предвещающие, безобидные, но странные события. Единственная дочь Лелечка увлечена игрой в прятки вместе со своей матерью. Но кухарка Агафья, услышав в разговоре с нянькой Федосьей об этом невинном увлечении, вдруг говорит, «неодобрительно покачивая головою, и лицо ее сделалось строгим и укоряющим».

— Что барыня, известно, ей ни к чему, — сказала она, — а вот что барышня-то все прячется, нехорошо это.

— А что? — с любопытством спросила Федосья.

Ее доброе румяное лицо от этого выражения любопытства сделалось похожим на лицо деревянной, грубо раскрашенной куклы.

— Да нехорошо, — повторила с убеждением Агафья, — да и как еще нехорошо!

— Ну? — переспросила Федосья, усиливая на своем лице смешное выражение любопытства.

— Прячется, прячется, да и спрячется, — таинственным шепотом сказала Агафья, опасливо посматривая на дверь.

— Да что ты говоришь? — с испугом воскликнула Федосья.

— Верно говорю, вот попомни мое слово, — уверенно и так же таинственно сказала Агафья, — уж это самая верная примета» [Сологуб, 1913, с. 137–138].

Нянька Федосья рассказывает об этих подозрениях матери, в результате в доме воцаряется атмосфера мрачных предчувствий.

Бросается в глаза сходство этого эпизода с ситуацией предсказания и его последствий в маминском рассказе «Враг», где садовник Егор Спиридоныч говорит о недоброй примете:

«— А ведь неладно, барин...

— Что неладно?

— Да так, примета есть... Вот вы смеетесь над приметами, а они вот как выходят. Как по писаному...

— Что такое случилось? Пожалуйста, говорите толком...

— Да вот цветы, Сергей Иванович... Уж вы извините, а только неладно. В прошлом году азалии-то какие были: где-где цветочек завязался, а нынче так пукетами и прут. Тоже вот и тюльпаны, и нарциссы, и гиацинты... И оранжерея та же и руки те же, а цветы другие.

— Ну?

— По-нашему это не к добру...» [Мамин-Сибиряк, 1915, с. 476].

Но если в рассказе Мамин-Сибиряка эта сцена — лишь эпизод, то аналогичная сцена у Сологуба становится одной из центральных. Можно, таким образом, заключить, что здесь, как и ранее в рассказе «Тени», Сологуб переосмысливает эпизод из маминского текста как одним из элементов смысловой структуры рассказа, в результате чего характер изображения приобретает явные черты модернистской образности.

Дальнейшие события сологубовского рассказа во многом схожи с теми, с которых начинается отмеченный выше маминский рассказ «Коробкин» (неожиданно заболевает единственная дочь в семье Лидочка): «Прошло несколько дней. Лелечка простудилась. Ночью у нее сделался жар. Когда разбуженная Федосьею Серафима Александровна пришла к Лелечке и увидела ее, жаркую, беспокойную, страдающую... и безнадежное в первую минуту отчаяние овладело ею. / Позвали врача, сделали все, что делают в таких случаях, — но неизбежное совершалось» [Сологуб, 1913, с. 143–144]. Будучи уже не в состоянии подняться с постели, Лелечка продолжает свою игру. Как и маминский Коробкин, ее мать сходит с ума.

Необходимо отметить, что если Мамин-Сибиряк в своих рассказах дает развернутые логические объяснения тем или иным странным событиям, то у Сологуба благодаря крайнему лаконизму некоторые причинно-следственные связи становятся понятны лишь при повторном прочтении. Так, в рассказе «Прятки» оказывается, что у Лелечки, очень чувствительной девочки, всё принимающей близко к сердцу, совсем нет подруг, ее

даже редко водят на прогулки. Увлечение игрой становится для нее настоящим суррогатом полноценной жизни, отнимающим все силы. В итоге накапливается смертельная усталость — это показано автором очень убедительно. Мотив же трагического «суррогата» жизни впоследствии не раз станет предметом внимания писателей-модернистов.

Другая художественная удача Сологуба в этом тексте — образ старухи Агафьи, прототипически связанный, как мы предполагаем, с образом садовника Егора Спиридоныча из маминского рассказа «Враг». Сказанное Агафьей еще до болезни Лелечки предсказание также, как и в рассказе Мамина, сбывается, ребенок умирает. Но лишь при повторном прочтении становится ясно: интуиция («эту приметку старуха придумала сама, внезапно»), а именно интуиция изгоя (ведь ее не пускают дальше кухни), позволяет ей острее ощущать неблагополучие повседневной жизни дома, которое господа не замечают и не хотят замечать... Эти подспудные мотивировки скрыты автором, отчего создается эффект намека на нечто большее, выходящее за пределы реального, возникает ощущение присутствия в доме некоей невидимой недоброй силы, имеющей власть над жизнью героев.

* * *

Многочисленные системные соответствия образов и разных деталей, мотивов, сюжетных ситуаций дают основание говорить о том, что книга рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка «Детские тени» оказала определенное влияние на первую книгу рассказов Ф. Сологуба «Тени», а также другие рассказы: «Прятки» и более поздние «Рождественский мальчик», «В плену», «Поцелуй нерожденного». Но важно при этом отметить, что начинающего прозаика Сологуба привлекли в 1890-е гг. в маминских сочинениях не только темы детских страданий и онтологического трагизма — в рассказах самого Мамина-Сибиряка этого периода появляются не характерные для его предшествующего творчества мистические мотивы предзнаменований, предчувствий, проявляется новаторство в изображении пограничных состояний внутреннего мира героев. Этот интерес к элементам «нового искусства» со стороны Мамина — писателя,

ориентировавшегося прежде на Э. Золя, — побуждает вспомнить аналогичный творческий путь современных ему писателей, например, Ж.К. Гюисманса и Б.-П. Гальдоса, чье влияние на художественные (не только литературные!) процессы уже модернистской эпохи общеизвестно. Вместе с тем для Мамин-Сибиряка «Детские тени» стали особым этапом жизненного и творческого пути. Переживая личную трагедию, он практически параллельно с созданием этих рассказов находит силы для «Аленушкиных сказок» (1897) — следующей книги, о которой писал: «Это моя любимая книжка — ее писала сама любовь, и поэтому она переживает все остальное...» (из письма А.С. Маминой от 15 декабря 1896 г.) [Мамин-Сибиряк, 1955, с. 669]. И мудрость этих сказок сильна, пожалуй, тем, что в ней есть капля горечи от рассказов предшествующей книги, о зловещих событиях писатель говорит со спокойной верой в конечное торжество Добра.

Список литературы

Анненский И. Книги отражений. М. : Наука, 1979. 679 с. (Лит. памятники).

Грякалова Н.Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 384 с.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Детские тени : Рассказы. М. : Посредник, 1894. 231 с. (Для интеллигентных читателей ; вып. 33).

Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч. : [т. 1–12]. Т. 3. Пг. : Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. 495 с.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8 : Рассказы, очерки, легенды; Путевые заметки, статьи, воспоминания; Избранные письма. 1870–1912. М. : ГИХЛ, 1955. 750 с.

Павлова М.М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тернерников. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 512 с. (НЛО. Науч. прил. ; вып. 61).

Сологуб Ф. Рассказы и стихи. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1896. 188, III с.

Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 3 : Земные дети : рассказы. СПб. : Сирин, 1913. [10], 229, [8] с.

Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь : [в 6 т.]. Кн. 1–2. М. : Сов. писатель, 1961. 636 с.